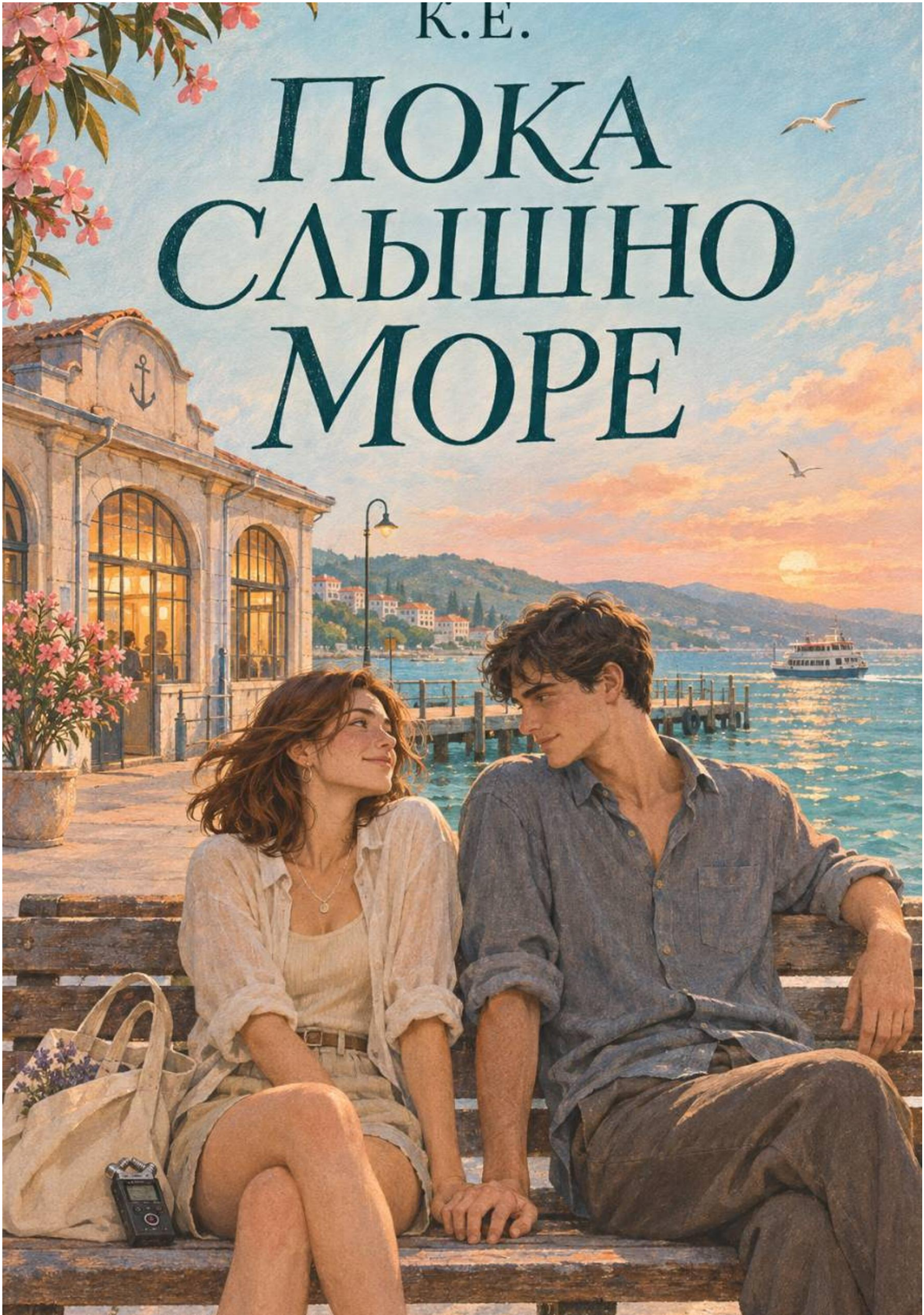
К.Е.

ПОКА СЛЫШНО МОРЕ

К. Е.

Пока слышно море

«Автор»
2026

Е. К.

Пока слышно море / К. Е. — «Автор», 2026

Мира возвращается из Петербурга в родной приморский город с чемоданом вещей и планами, о которых больше не хочется рассказывать. Новую возможность даёт старый морской вокзал: скоро отсюда уйдёт последний рейс, и Мира решает сохранить его голоса в звуковой выставке.Лев помогает ремонтировать зал, замечает то, мимо чего она проходит, и готов ради хорошей записи прийти к морю в половине седьмого утра. Постепенно рабочие встречи становятся свиданиями, а лето, которое Мира собиралась просто переждать, — временем, с которым трудно расстаться.Но приближается срок подачи портфолио. Среди записей есть разговор, способный изменить её будущее. Разговор, который Лев доверил только ей.Теперь Мире предстоит понять, чего стоит долгожданный шанс — и можно ли вернуть доверие человека, чей голос стал самым дорогим.

© Е. К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Место для пассажиров 6
Глава 2. Домашняя громкость 8
Глава 3. Условия доступа 10
Глава 4. Право на тишину 11
Глава 5. Девушка с ключами 12
Глава 6. Нормальный рабочий день 14
Глава 7. Пирог с планами 16
Глава 8. Запасной берег 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

К. Е.
Пока слышно море

Пока слышно море
Роман

Глава 1. Место для пассажиров

В первый понедельник июля я поссорилась с автоматической дверью.

Она не открывалась. Я держала перед датчиком ладонь, билет на автобус, потом зачем-то лицо. В отражении виднелась девушка с дорожной сумкой, мокрой чёлкой и выражением человека, которого подвела даже простейшая электроника.

— Там ручка, — сообщили за спиной.

— Я заметила.

— Она и есть вся автоматика.

Парень в серой футболке поставил на ступеньку ящик, потянул дверь и пропустил меня внутрь. На пальцах у него белела краска. Из кармана торчал складной метр, похожий на нелепый жёлтый цветок.

Я приехала к старому морскому вокзалу записать последний работающий динамик. По четвергам отсюда ещё ходил катер на остров, но с сентября рейс переносили к новому причалу. В детстве я считала, что объявления читает маленькая женщина, которая живёт в металлической коробке под потолком. Теперь мне было девятнадцать, я знала про усилители, а женщину всё равно хотелось застать дома.

Вместо неё из динамика выпало:

— Проверка. Раз. Шесть. Кто украл стремянку?

Парень поднял голову.

— Семён Ильич, она под вами.

— Тогда вопрос снимается.

Я включила рекордер. Вернее, нажала кнопку на телефоне: настоящий рекордер остался в Петербурге вместе с комнатой, которую я больше не могла оплачивать. И с Павлом, который утверждал, что мне нужно перестать видеть трагедию в мелочах. Например, в том, что он выложил наш общий учебный ролик под своим именем.

В телефоне Павел был заблокирован. В голове — пока через раз.

— Здесь ремонт, — сказал парень.

— Я ненадолго. Мне нужен звук зала.

— Сейчас будет звук падения штукатурки. Отойдите от колонны.

Он взял меня за локоть ровно настолько, чтобы отвести на шаг. Рядом упал кусок серого, величиной с печенье. Я выключила запись.

— Впечатляющая акустика.

— Лев.

— Что?

— Меня зовут Лев. Если будете писать жалобу, пригодится.

Я представилась. Он повторил «Мира», будто проверил, правильно ли услышал, и подвинул мой чемодан подальше от стены.

В зале пахло мокрым деревом, известью и кофе из чьего-то термоса. Над кассой висели часы без минутной стрелки. Стрелку я помнила: она всегда отставала минут на семь. Теперь вокзал решил вопрос радикально.

— Вы всё это снесёте? — спросила я.

Лев посмотрел на обшарпанные скамейки.

— До обеда вряд ли.

Он больше ничего не объяснил, а я уже успела разозлиться. Хотелось вернуться домой с записью, которая докажет: хоть что-нибудь существует без моего участия и не собирается немедленно исчезать.

За стеклом бухта была почти белой. Катер, привязанный у дальнего понтона, покачивался так спокойно, будто расписание его не касалось.

Я направила телефон к окну. В этот момент динамик снова ожил:

— Молодой человек, кофе будешь?

— Буду, — ответил Лев.

После паузы Семён Ильич добавил:

— Девушку тоже спроси. А то стоит как проверяющая.

Лев повернулся ко мне. Я собиралась сказать, что уже ухожу.

— Без сахара, — сказала я вместо этого.

Глава 2. Домашняя громкость

Дома бабушка велела сначала разуться и только потом решать судьбу.

— В таком порядке у людей меньше грязи, — пояснила она.

В прихожей всё стояло на своих местах: керамический пёс, банка с обувными ложками, мама в дверях кухни. Только у мамы стали короче волосы. Мы переписывались почти каждый день, но о стрижке она не сказала. Я испытала странную обиду, будто семейные новости обязаны были ждать моего возвращения.

— Ты похудела, — сказала она.

— Ты постриглась.

— Значит, обе сэкономили на чём-то.

Мы обнялись. От мамы пахло мылом и жареным луком. Она работала в пункте выдачи, а по вечерам брала заказы на пироги. Обо всём этом я знала, но до сих пор представляла её у кухонного окна, в бесконечном ожидании моих звонков. В действительности у неё болели ноги и через сорок минут начиналась смена.

Я собиралась сообщить, что возвращаюсь на всё лето, бодро и без предисловий. Получилось иначе. Мама спросила про комнату, и я рассказала про хозяина, повысившего плату, потом про подработку, которую отдали штатному монтажёру. Про Павла сказала только, что мы расстались.

— А учеба? — спросила мама.

— Первый курс закончен. На второй могу вернуться.

Могу — при условии, что найду деньги. Об этом мы обе знали.

Бабушка Дина поставила передо мной тарелку.

— Сначала ешь. На голодный желудок все жизненные решения похожи на развод.

Она была портнихой и считала, что любой сложный разговор лучше вести над вещью, которую можно зашить. Сейчас у неё на коленях лежали чьи-то брюки. Я смотрела, как игла исчезает в ткани, и впервые за несколько недель перестала мысленно спорить с Павлом.

После еды мама попросила помочь застегнуть браслет на правой руке. Обычная тонкая цепочка, которую она носила с моего выпускного. Я никак не могла попасть застёжкой в кольцо, и мы стояли у двери уже в обуви, обе задерживая дыхание.

— Ты куда после смены? — спросила я.

— Домой. Сегодня до девяти.

— Я могу встретить.

Она посмотрела на меня в зеркало.

— Давай. Только без героизма, там идти через два двора.

Я застегнула браслет. Потом заметила на тумбочке сложенный листок с расписанием её смен. Раньше я никогда не запоминала, в какие дни она работает дольше. Теперь сфотографировала, чтобы не спрашивать каждый вечер одно и то же. Мама взяла ключи и попросила купить хлеб, если пойду гулять. Я внесла хлеб в заметки рядом с собственными большими планами.

В своей комнате я открыла письмо от лаборатории документального звука. Обучение, общежитие и работа на полставки в студии — для двух участников, которых выберут по портфолио. Заявки до двадцать восьмого июля. Начало в сентябре. Та самая возможность, на которую я смотрела с мая и никак не решалась ответить.

В папке лежали городской этюд и реклама выдуманного кофе. Ещё совместная работа, теперь прочно связанная с именем человека, которого я не хотела просить ни о чём.

А у города был зал ожидания, доживающий последние недели.

Я написала на чистом листе: «Пока слышно море. Звуковой портрет места, которое перестанет быть вокзалом».

Потом зачеркнула «перестанет». Получалось, что я уже решила за всех, чем это место будет дальше.

Из кухни донёсся бабушкин голос:

— Мира, у тебя в сумке ложка!

Ложка принадлежала петербургской хозяйке. Я сунула её туда вместе с последней банкой йогурта и забыла вернуть.

На столе лежала заявка о большом будущем. В руке — мелкая улика моего неумения нормально съезжать с квартиры.

Я впервые за этот день засмеялась.

Глава 3. Условия доступа

На следующее утро я пришла на вокзал с блокнотом и четырьмя булочками. Лев стоял посреди зала с листом фанеры. Из-за листа были видны только кроссовки.

— Проверяющая? — спросил он.

— С гуманитарной помощью.

— Поставь на стол. Только на правую половину, левая держится на честном слове.

Я помогла донести фанеру в комнату бывшей диспетчерской. Там обнаружились чертежи, рабочий чайник и женщина в льняном жилете, которая одновременно разговаривала по телефону и выдирала скобу из стены.

Это была Нина Аркадьевна, заведующая районной библиотекой. Именно библиотеке передавали зал после закрытия кассы. Здесь собирались устроить небольшую выставочную комнату и место для встреч. Денег хватало на свет, безопасную проводку и ремонт входа. Всё остальное предлагалось придумать самим.

Лев измерял зал для мастерской, где работал его дядя. Летом помогал с проектом, осенью должен был решить, куда двигаться дальше. Ему был двадцать один, он окончил колледж и говорил о себе так, словно это краткая инструкция к прибору: без лишних возможностей и обещаний.

— Я подумала сделать звуковую карту, — сказала я Нине Аркадьевне. — Записать людей, объявления, воду у понтона. Чтобы посетитель мог послушать.

Она положила телефон на стол.

— А кто это потом будет включать?

В моей голове посетители сами подходили к красивой стойке, сами надевали наушники, а электричество оплачивалось силой искусства.

— Можно через телефон, по ссылке.

— Интернет здесь прыгает. И не у всех есть смартфон.

Лев молча подтянул к нам табурет. Пришлось сесть и придумать всё ещё раз.

Через полчаса у нас появился скромный план: несколько коротких записей, бумажная карта, один старый плеер с наушниками в библиотеке. Открытие двадцать четвёртого августа, в день районного праздника. Никакой огромной установки, которую некому обслуживать.

— Для поступления материал использовать можно? — спросила я.

— Согласие людей бери отдельно, — ответила Нина Аркадьевна. — На выставку одно, на отправку куда-то ещё — другое. И не обещай им ничего, чего мы не можем сделать.

Я старательно записала.

Лев заглянул через плечо.

— У тебя «шестнадцать интервью». До конца июля?

— Двенадцать.

— Уже экономим.

— Восемь, — сказала я после паузы.

Он улыбнулся. У него при этом чуть сдвигалась бровь, и насмешка становилась гораздо менее обидной.

Мы договорились встретиться в четверг, когда придёт катер. На прощание Лев дал мне каску.

— Она не сочетается с моей одеждой.

— Зато с головой.

В тот вечер я впервые внесла в заявку не грандиозную идею, а три конкретных предложения. И отправила хозяйке квартиры деньги за ложку. Стоимость перевода оказалась выше стоимости ложки, но спалось мне почему-то легче.

Глава 4. Право на тишину

Первым участником карты согласился стать Семён Ильич. Он обслуживал вокзальный усилитель ещё до моего рождения и теперь должен был передать библиотеке ключи от служебных шкафов.

Я приготовила вопросы о любимых рейсах, смешных случаях и море. Семён Ильич прочитал их с таким лицом, с каким бабушка читала состав дешёвой ткани.

— Море как море. Солёное.

Лев, сидевший на стремянке, кашлянул.

— А что вам больше всего запомнилось за годы работы? — не сдалась я.

— Как прорвало канализацию в девяносто восьмом.

— Может быть, что-то более личное?

— Куда уж личнее. Я по пояс там стоял.

Я остановила запись. Семён Ильич расстроился:

— Тебе нужны красивые слова? Ты скажи, я прочитаю.

От этого предложения стало стыдно. Я убрала блокнот и попросила показать, как включается усилитель. Он сразу оживился. Рассказал, какая ручка трещит, почему нельзя резко прибавлять громкость и как во время сильного ветра его объявления слышны на другом берегу.

В какой-то момент он снял очки и протёр их краем рубашки.

— Раньше жена по динамику понимала, что я заканчиваю. Если последний рейс объявил, через двадцать минут домой явлюсь. Ставила картошку.

Он не сказал ничего больше, а я не стала спрашивать, почему теперь картошку никто не ставит. После записи мы вместе прослушали отрывок. Семён Ильич попросил оставить рассказ про ручку громкости. Историю про жену — пока убрать.

— Конечно, — ответила я.

Когда он ушёл за катушкой провода, Лев спустился со стремянки.

— Ты прямо расстроилась.

— Там был хороший момент.

— Для кого?

Я рассердилась, потому что ответ знала.

У причала нас ждал катер. Я направила микрофон телефона к двигателю, а ветер немедленно превратил всю запись в шорох пакета. Лев снял с запястья резинку, достал из ящика чистый кусок поролона и помог закрепить его вокруг телефона.

— Это законно с точки зрения звукозаписи? — спросил он.

— Если никто не увидит фотографий.

Мы стояли у ограждения, пока пассажиры поднимались на борт. Девочка лет пяти считала спасательные круги, мужчина тащил мешок кошачьего наполнителя, две женщины обсуждали цену смородины. Никакой величественной хроники уходящей эпохи. Просто четверг.

На записи потом лучше всего получился момент, когда матрос спрыгнул на понтон и доски ответили коротким низким стуком.

Лев попросил дать ему послушать. Мы поделили проводные наушники: левый мне, правый ему. Он закрыл глаза. Вблизи я заметила маленький шрам у него на подбородке и подумала, что слишком долго его рассматриваю.

— Слышно, как канат натянулся, — сказал он.

Я перемотала. Правда было слышно. Я сама этот звук пропустила.

Глава 5. Девушка с ключами

Тая появилась в нашей квартире без звонка, как и все последние пятнадцать лет. Она держала в руках маленький торт и пакет помидоров.

— Это приветствие или сложный рецепт? — спросила я.

— Мама передала помидоры. Торт я. Не путай, она обидится.

Мы дружили с начальной школы. В шестнадцать собирались уехать вместе, а в восемнадцать я уехала одна. Тая осталась работать в семейной пекарне и теперь знала всех поставщиков района по именам. При встречах я слишком часто спрашивала, когда она «выберется». Теперь, пока она резала торт, я впервые подумала, как это звучало.

— Ты надолго? — спросила она.

— До конца августа точно.

— Хорошо. Мне нужен человек, который скажет, что я не сошла с ума.

Оказалось, Тая хотела ввести собственное меню завтраков. Мать считала, что люди всегда брали пирожки и дальше будут брать пирожки. Тая купила на свои деньги небольшую печь и ещё никому не призналась.

— Я думала, ты довольна работой, — сказала я.

— Довольна. Поэтому хочу на неё влиять.

Я поковыряла вилкой крем.

— Я, кажется, бывала ужасной подругой.

— Временами. Особенно когда говорила «у нас в Петербурге» таким голосом, будто у вас там ещё и гравитация получше.

Тая сказала это без злости, и я не стала защищаться. Рассказала ей про заявку, вокзал и Льва.

— Из мастерской у рынка? Высокий, смотрит так, словно ты неправильно держишь шуруповёрт?

— Он даже не видел у меня шуруповёрта.

— Но уже подозревает.

Она знала его по заказу на полки. По её словам, Лев три раза переделывал крепление, потому что у Таи никак не получалось решить, где будет кофемашина. Ни разу не закатил глаза, но в последний день принёс бумажный прямоугольник с надписью «кофемашина» и приклеил к стене.

Вечером мы пошли гулять. Тая останавливалась на каждом углу: передать ключи курьеру, спросить у соседки о ноге, забрать пустые поддоны. Я шла рядом и чувствовала себя приезжей в городе, где знала каждый двор.

У пекарни мы встретили Льва. Он нёс две упаковки ламп. Тая сразу вручила ему торт, оставшийся в коробке.

— Тебе за полки. А Миру проводи, она теперь ходит с лицом потерянного туриста.

— Я живу в десяти минутах, — возразила я.

— Значит, быстро справитесь.

Мы шли по узкому тротуару, уступая друг другу сухую сторону. Лев рассказал, что вырос за железной дорогой и в детстве считал наш район центром мира из-за круглосуточного магазина.

— А ты? — спросил он. — Почему звук?

Я могла назвать кино, документалистику, работу с памятью. Вместо этого сказала правду:

— В детстве мама уходила рано. Я просыпалась и слушала, как она на кухне закрывает термос. Пока слышала, можно было ещё позвать.

Лев не нашёл немедленно подходящего ответа. И мне понравилось, что он не стал его выдумывать.

Глава 6. Нормальный рабочий день

На четвёртую встречу Лев принёс рекордер. Небольшой, потёртый, с двумя микрофонами, торчащими под углом.

— У дяди лежал. Раньше он концерты записывал. Сказал, дашь послушать результат — можешь пользоваться.

Я взяла прибор обеими руками.

— Он точно понимает, что даёт его почти незнакомому человеку?

— Я сказал, ты вернула ложку в другой город.

— Откуда ты знаешь?

— Тая.

Я мысленно внесла подруге замечание за разглашение кухонных обстоятельств.

Рекордер работал от обычных батареек. Я проверила карту, уровни и поставила тестовую запись. Впервые за лето почувствовала привычную уверенность: здесь мои пальцы знали, что делать.

Мы записывали утренний зал. Лев обещал полчаса не пользоваться дрелью. Через пять минут позвонил его телефон. Через восемь в дверь вошёл курьер. Через одиннадцать Семён Ильич решил проверить сигнал пожарной системы.

— Как вообще снимают кино? — спросил Лев, когда я сняла наушники.

— Нервно.

Мы договорились прийти до начала работ. В шесть тридцать. Я ненавидела людей, которые предлагают такие встречи, но сама же её и предложила.

Утром город встретил меня пустыми остановками и запахом свежей выпечки. Вокзал казался большим спящим животным. Лев уже сидел на ступеньках с двумя бумажными стаканами.

— Тая сказала, ты пьёшь без сахара.

— Это ты мог узнать и сам.

— Я и узнал. Проверил источник.

В зале мы расставили два стула на расстоянии нескольких метров. Я запустила запись и показала, что теперь нельзя говорить. Лев сел, вытянул ноги. Где-то под крышей царапался воробей. Мимо окна прошёл человек в оранжевой куртке. Пахло холодным кофе и морем, которое здесь всегда проникало через щели.

За пять минут молчания я узнала о Льве больше, чем за наши разговоры. Он не доставал телефон. Не пытался развлечь меня гримасами. Когда у меня зазудел нос и я совершенно беззвучно чихнула, только поднял брови и отвернулся, чтобы не засмеяться в микрофон.

После записи он показал мне старую дверь в подсобку. Нижний край стёрся дугой от постоянного открывания.

— Новую хотят. Эта слишком тяжёлая.

— Тебе жалко?

— Жалко, что люди думают, будто старое обязательно надо сохранить целиком. Иногда достаточно ручки. А дверью пусть нормально пользуются.

Я потрогала гладкую латунь, отполированную чужими ладонями. Лев стоял рядом и ждал.

— Давай запишем, как она закрывается, — предложила я.

Мы сделали шесть дублей. На пятом он сказал «осторожно» почти шёпотом, когда мои пальцы оказались возле косяка. Я пометила эту запись рабочей и оставила остальные для проекта.

Пятый дубль потом всё-таки слушала. Отдельно, вечером. И совершенно не из профессиональных соображений.

Глава 7. Пирог с планами

Мама раскатала тесто, когда я объявила про лабораторию. Я специально дождалась спокойного вечера, но спокойствие оказалось недолговечным.

— То есть учиться ты будешь уже в другом месте? — спросила она.

— Если возьмут. На год. Академический отпуск в колледже можно оформить после решения.

— И диплом?

— Вернусь и закончу.

Мама провела скалкой ещё раз. Я слышала в этом движении все вопросы, которые она не задавала: на что жить, куда девать вещи, почему год назад мы строили один план, а теперь опять другой.

— Там оплачивают комнату и дают работу, — добавила я. — Мне не придётся просить.

Мама остановилась.

— Ты считаешь, мне больше всего не нравится, когда ты просишь?

Я почувствовала, что разговор уехал туда, откуда быстро не вернётся.

Мы давно умели беречь друг друга неудобным способом. Она не рассказывала о спине, я — о счетах. В результате каждая жила рядом с выдуманной версией второй: мама думала, что я беззаботно трачу деньги на кофе, а я представляла её постоянной жертвой моих расходов.

— Я хочу, чтобы ты знала, где окажешься в сентябре, — сказала мама. — И чтобы могла мне позвонить, если окажешься не там.

Я села на кухонную табуретку. На столе белели следы муки. В детстве мы ставили на них отпечатки пальцев.

— Я не вернулась потому, что всё совсем плохо.

— А я тебя и не спрашивала.

— Ты думаешь.

— Мира, я ещё думаю про доставку на восемь утра и сломанную молнию у куртки. Ты не всё содержимое моей головы.

Это было обидно и почему-то утешительно.

Я помогла ей нарезать яблоки. Потом спросила, можно ли записать для проекта, как она закрывает термос. Мама удивилась, согласилась и сделала это трижды. На третьем дубле сказала:

— Только не рассказывай там, что я святая. Я сегодня орала на упаковочную плёнку.

Мы обе засмеялись. Я записала её согласие на использование бытового звука и отдельно уточнила, можно ли отправить отрывок в лабораторию. Мама сказала, что можно. Слова про плёнку попросила не включать: «А то узнают коллеги».

Когда пироги стояли в духовке, мама попросила снять для неё маленькое видео: как она режет остывшую выпечку. Хотела отправлять заказчикам, чтобы было видно начинку. Я начала ставить красивый свет, а она через десять минут спросила, будем ли мы сегодня вообще что-нибудь резать.

Мы обошлись лампой над столом. Мама не умела улыбаться по команде и в кадре становилась похожа на собственную фотографию в пропуске. Я предложила просто поговорить со мной. Она спросила, сколько мне положить, потом поддела лопаткой кусок пирога. Это и осталось в ролике.

— Только телефон мой укажи, — попросила она. — Вдруг ещё кому-то перешлют.

Я вписала номер, мы проверили каждую цифру. Для мамы это было не воспоминание о нашем вечере, а способ получить следующий заказ. Я пообещала не затягивать с файлом и отправила его до ужина.

Поздно вечером мне написал отец. Мы созванивались раз в месяц, обычно он спрашивал, как учёба, и рекомендовал высыпаться. В этот раз предлагал приехать на выходные к нему и его новой семье.

Я набрала «у меня работа» и остановилась. Работой всё пока называлось только в моём блокноте.

«Я делаю звуковую выставку на старом вокзале. Открытие двадцать четвёртого августа. Если хочешь, приезжай».

Он ответил не сразу. Я убрала телефон, вымыла тарелку, вернулась.

«Постараюсь».

Раньше я бы весь вечер расшифровывала это слово. Теперь сохранила запись термоса в две папки и поставила батарейки на зарядку.

Глава 8. Запасной берег

Самым разговорчивым участником оказалась женщина, которую я собиралась записывать пять минут. Зоя Петровна ездила катером на остров поливать огород и знала о каждом пассажире то, что пассажир предпочёл бы сообщить сам.

Я несколько раз просила не называть чужих имён. В конце она вздохнула:

— Ну что у тебя за история без людей.

Мы оставили только рассказ о помидорах, которые она однажды везла в коробке из-под телевизора. На новом причале, объяснила Зоя Петровна, длиннее идти от остановки. Сумки тяжёлые. Ей было всё равно, останется ли старая вывеска, зато очень хотелось скамейку на полпути.

Я записала это в блокнот. Лев заглянул и попросил сфотографировать страницу.

— Скамейку ты тоже можешь сделать?

— Сделать можно. Разместить сложнее. Но спросить стоит.

После интервью мы отнесли Зое Петровне сумки к автобусу. Катер уходил только через неделю: сегодня она приехала узнавать новое расписание, которого ещё не было.

У остановки Лев повернул к воде.

— Хочешь нормальный звук волн? Есть место без дороги.

Я хотела. Пришлось полчаса ехать в автобусе, потом спускаться по тропе, где трава задевала колени. На маленьком каменистом пляже сидела одна чайка, выглядевшая законным собственником территории.

Мы поставили рекордер на сложенную куртку. Лев пошёл собирать плоские камни, я следила за уровнем. Море здесь шуршало мелкой галькой: сначала тянуло камешки к себе, потом отпускало. У каждого движения был свой конец, который я никогда раньше не замечала.

— Ты всё время слушаешь? — спросил Лев, когда я выключила прибор.

— Не всё. Иногда притворяюсь.

— Хорошо. А то я уже начал думать, что нужно содержательнее жевать.

Он достал из рюкзака два бутерброда. Я не спросила, почему два. Он не уточнил, для кого приготовил второй.

Лев попытался пустить камень по воде. Камень сразу утонул. Второй повторил судьбу первого.

— Я думала, у вас в колледже это обязательный предмет, — сказала я.

— Был. Но я на нём шкаф собирал.

Я нашла плоский камешек, показала, как держать. Отец научил меня, когда мы ещё ездили к морю вместе. Я давно не вспоминала об этом без злости. Сейчас размахнулась и получила три прыжка. Лев серьёзно потребовал повторить объяснение.

Мы провозились минут двадцать. Он наконец добился двух отскоков, поднял руки и чуть не выронил остатки бутерброда. Я хохотала так громко, что чайка переступила подальше.

Перед уходом Лев спросил, кто меня научил. Я сказала про отца. Он не стал угадывать, почему я говорю об этом с удивлением. Просто попросил потом устроить ещё один урок: два прыжка его не устраивали.

На обратном пути я поскользнулась на глине. Лев успел поймать меня за руку, но сам шагнул в лужу. Кроссовок издал унылое чавканье.

— Теперь я должен предложить тебе донести меня, — сказал он.

— Только до автобуса. Дальше общественный транспорт.

Он держал мою руку ещё несколько шагов после того, как тропа стала сухой. Потом разжал пальцы, чтобы отодвинуть ветку. Я ощутила потерю тепла с такой ясностью, что стало неловко.

На остановке мы разглядывали общий снимок: море, край моего рукава и перекошенный горизонт. Я никогда не умела фотографировать одной рукой.

— У меня есть штатив, — сказал Лев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.